

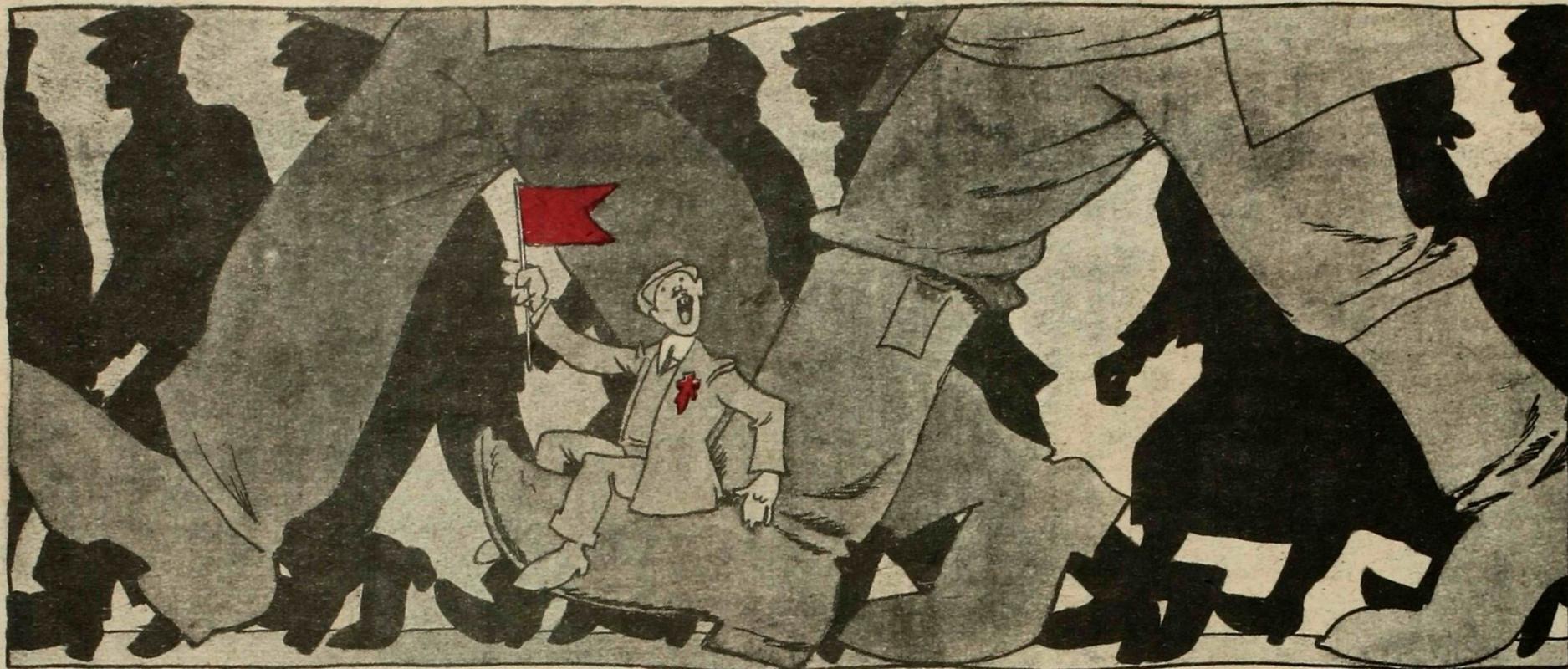
КРОКОДАИ

№ 41
МОСКВА, НОЯБРЬ 19
Цена 15 коп

Рис. К. Потоса

Рис. К. Елисева

ХАЛТУРЩИК: — И я иду в ногу с рабочим классом...

ЗАПИСКИ С ПУТИ СШЕДШЕГО

(Почти по Гоголю)

Сегодняшнего дня случилось неприятное событие: ЦИК СССР выпустил манифест, в котором говорится о переходе на семичасовой рабочий день.

Я не одобряю. По-моему, выпускать должна парт-оппозиция — и не манифесты, а платформы. Делать их нужно в подпольной типографии, по ночам, а затем, днем с фонарем, искать сочувствующих.

К сожалению, сейчас все делается не так, как нужно. Строится, например, социализм в одной стране, а согласны ли на это Урбанс или Маслов — даже не спрашивают. Беспартийный интеллигент Щербаков тоже, может быть, не согласен, но почему-то обходятся и без него.

Где же тут, спрашивается, внутрипартийная демократия?!

А если написать слово «Китай», то и выйдет: «Радек». Люди глупы, не понимают этого и читают какие-то тезисы Коминтерна. Но какой же Коминтерн, когда в нем нет Рут Фишер и Урбанса? Их исключили и не принимают обратно. А за что? За одну букву всего: они не считают возможным строительство социализма не в одной стране, а ни в одной стране...

Странный мотив!

★

Я думаю, что десятилетие Октября будет днем нашего величайшего торжества. Все дело только в том, чтобы давать уроки: сначала их взяли т.т. Зиновьев и Каменев, а потом возьмут все. Ну, натурально, пойдут толки: как, что, кому возглавлять партию? Посмотрят, нечего делать — к нам! Все ячейки за нас: голосуют, голосуют, голосуют... Можете себе представить, тридцать пять тысяч одних ячеек! Каково положение?.. Мы, конечно, соглашаемся. Мы, — гово-

рим, — согласны, но только уж у нас — ни, ни, ни! Уж у нас ухо остро: никаких внутрипартийных демократий!... Тут, конечно, аплодисменты, переходящие в овацию. Каутский тоже аплодирует...

Впрочем, что ж это я? Я и позабыл, что мы уж ходили по ячейкам... Но ведь это черный народ: им нельзя говорить о высоких материях! У них только строительство социализма на уме да тому подобное, а свободной печати, сделанной в Германии при Гинденбурге, они даже и не читают...

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ

Рис. М. Храпковского

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вы взялись выстроить здание к десятилетию Октября. Между тем, у вас нет ни материалов, ни денег. На что же вы рассчитывали?!

СТРОИТЕЛЬ: — На амнистию, товарищ следователь!

Странные, вообще, партийцы в ячейках: зачем они льют нам на головы холодную воду?..

★

Холодная вода продолжает литься. Это очень неприятно. А, главное, к чему все эти напоминания о парт-дисциплине и о партийном уставе?

У нас есть фракционная дисциплина. А партийный устав, конечно, существует, но ведь это же — устав ВКП(б)! Как же не понять, что тут есть неправильность, и что нужно перестроить устав и все прочее так, чтобы получилось иначе:

— ВКП (ни «б», ни «м»)?

Это нужно уже потому, что мы-то и есть настоящие ленинцы. А ленинцы мы потому, что исправляем Ленина: у него сказано: «Лучше меньше, да лучше», а надо сказать: «Лучше меньше, чем больше»...

К словам «меньше» и «больше» мы советуем еще приписать слово «ВИК», — то и получится ленинизм, чрезвычайно сильно исправленный!

★

Нет, это становится невозможным. Они на ячейках не внемлют, не видят, не слушают нас! Чего же еще им нужно от нас? Что мы можем им дать? Мы ничего не имеем, кроме бесчисленных зиновьевских миллионов... Мало вам семисог? Берите больше: девятьсот, девять миллиардов берите, — чем мы рискуем?..

Опять окатывают нас холодной водой... Не хотят понять, что только нам одним виден правильный путь! Эх, как говорится у Гоголя: «Дайте нам тройку быстрых, как вихрь, коней! Садись, наш ямщик, звени, наш колокольчик, взвейтеса, кони», вот тогда мы...

(Окончание смотреть на 12 стр. «Крокодила»)

Грамен.

Мы живем в новом жилищно-кооперативном доме, на четвертом этаже. Дом хороший, без всяких трещин, центральное отопление действует и лифт работает. В каждой квартире унитаз с водопроводом, ванная и газовая плита. Квартиры в две и три комнаты. Вот, например, у Арсения Наганова—три комнаты. Он живет в одном коридоре со мной. Каждый день мы с ним встречаемся. И каждый день он у меня спрашивает:

— Ну, что хорошего?

— Ничего,—отвечаю.

— Ну, конечно, ничего хорошего. Абсолютно ничего хорошего! Тошища. На все противно смотреть. Скучно!

— Почему же это вы, товарищ Наганов, такой мрачный?

— А что,—скакать? Веселиться? Есть чему радоваться, когда зажирели все и погрязли, можно сказать! Кругом обрастание! Наш сосед-то Михальчук—хорош, нечего сказать. Поехал в отпуск и привез два пуда винограда! А еще коммунист, а еще рабочий!.. С какой это стати рабочему виноград есть?.. Да что говорить,—по себе сужу. Вон уж у меня громкоговоритель появился, настольная лампа есть... Бррр... противно смотреть!.. Эх, с каким удовольствием вспоминаю девятнадцатый годик! Ворот растегнут, не галстучек на шее (он с отвращением ткнул в свой синий галстук с белыми горошинками), а бомба, не подтяжки на плечах, а пулеметные ленты!.. Н-да... А у вас-то тоже уж двойной подбородочек растет... Противно смотреть, что делается кругом,—и он безнадежно махнул рукой.

★

В день накануне Октябрьских торжеств я встретил Наганова на улице.

— Смотрите, что делается!—сказал он.—Какие очереди в продуктовых магазинах! И все несут, несут...

— Что несут?

— Масло, муку белую, колбасу, яйца! И все это будут жрать, причмокивать и облизываться. Праздничек справлять. Ха-ха! И это на одиннадцатый год великой революции! А вон, смотрите, водку, водку тащит... Показали бы этому сукину сыну в девятнадцатом году водку!.. Живо бы его за манишку и в конверт!.. Пропало. Все погибло! Глаза мои не смотрели бы на этих обжор, променявших знамя революции на сосиски! Эх! Тьфу!

Я пожал ему руку. Я посмотрел ему ласково в глаза. И сказал, скривив иронически губы, многозначительное:

— Докатились!

— Значит, ты со мной согласен? Вот и хорошо! Приходи ко мне сегодня вечером. Жена с ребятами уйдут в клуб на какой-то пионерский вечер. А ты приходи ко мне. Вспомним, поговорим...

— Обязательно, обязательно приду...

Я купил три воблы, фунт пшена и четверть фунта постного масла. Я не пожалел полтинника и приобрел у старьевщика на рынке военного образца грязную, вшивую телогрейку. За гривенник мне беспризорный уступил свою шапку. Я подобрал у нас на дворе ржавую банку из-под консервов, и со всеми этими вещами пришел к Наганову.

В комнате под шелковым зеленым абажуром горела стосвечевая лампа. На столе, как только-что выпавший снег, блестела скатерть. Белый хлеб золотился подрумяненной коркой. В графине красное вино колыхалось и подмигивало. Из черного рупора громкоговорителя гремел оркестр медными трубами, флейтами и барабанами.

— Шикарно, что пришел! Садись, закусим,—сказал Наганов и вскочил. Но я был не таков.

— Ты за кого меня принимаешь?—крикнул я.—Чтобы на одиннадцатый год Октябрьской революции, когда кругом... Вспомним девятнадцатый!.. Чтобы я прикоснулся к этой дряни и слушал бы эту разлагающую какафонию... К чорту,—взревел я и шмякнул об стену громкоговоритель.—К чорту!—крикнул я еще раз и рванул за угол накрахмаленную скатерть. И все, действительно, разбилось и покатило к чорту.

— Что ты делаешь!? Боже, что ты делаешь??!

— Ничего особенного. Только мне противно смотреть на все это окружение. В 19-м году разве посмел бы ты держать у себя на столе графин с вином, разные колбасы?..

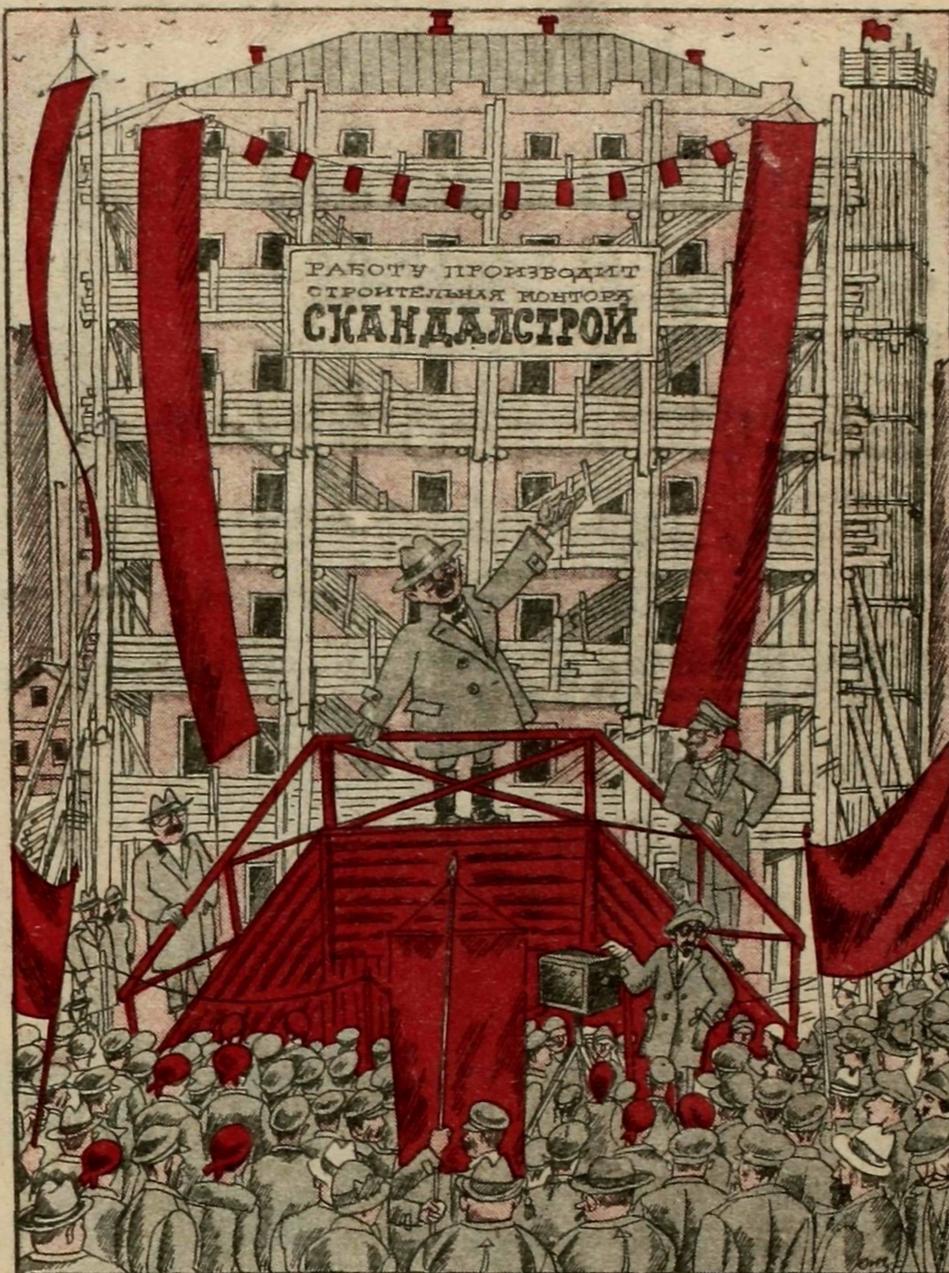
— Да, конечно... ты прав,—смущенно проговорил он и стал собирать куски разбитых тарелок.

— Как тебе не стыдно, Наганов, ползать под столом и собирать какие-то разбитые!.. Эх, когда все разбито!.. Вспомни девятнадцатый год! Таким ли ты был? Помнишь, как от холода мерзли? Вот так!—И я бросил кресло в окно. Стекло вдребезги, и в комнату ворвался холод.

Столовым ножом я перерезал шнур электричества.

— Где твой примус? Давай сюда примус,—сейчас разожжем. Вот так! Пусть дымит, пусть коптит!

Рис. Д. Мельникова

— Торжественно-то оно торжественно, а лесов, между прочим, не сняли!

— Как же их снять, — на чем же дом держаться будет?!

В банку из-под консервов я налил постного масла, ткнул туда кусочек скатерти и зажег. Наганов взмолился.

Но я его не слушал.

— Сммотри, какой позор! У тебя из водопровода вода течет. Ну-ка-сь, сейчас мы его исправим: где у тебя топорик?—И каким-то твердым предметом я стукнул по крану. Вода хлынула ручьем.

Наганов кинулся к водопроводу, я на-лету перехватил его, напялил на него телогрейку, а на голову ему надвинул обгорелую шапку беспризорного.

— Вот тебе вобла, грызи, молчи и вспоминай!

Наганов тихо заплакал.

— Сммотри, сммотри, по мне вши ползают! Честное слово. Что ты со мной сделал?

— Вши,—радостно вскрикнул я.—Где они эти милые «анютки» и «бекасы» 19-го года? Покажи их мне, дай налюбоваться...

Тут Наганов очнулся и тигром бросился на меня:

— Вон! Вон! Сволочь! Бандит! Вон!

В 12 часов ночи, когда вернулась жена Наганова с детьми из клуба, она увидела ужасную картину. Заткнутые подушками окна. Перевязанный одеялами водопровод. На полу—вода. Разбитые тарелки. Ржавая банка из-под консервов. Закоптелые стены и потолок. На столе стоял на цыпочках ее муж, укутанный в какую-то тряпку, и поправлял электричество.

— Дети, плачьте,—всхлипывая, сказала она: — ваш папа сошел с ума.

Б. Левин.

Рис. К. Ротова

— Странно! „МГУ“ грамотно написано, а остальное—жуты!
— Так „МГУ“ старый маляр рисовал, а клятву вузовцы своею собственной рукой написали!

Кампании по бюрократизму у нас предшествовал режим экономии и сбережения, так что аппарат был по существу приспособлен, а как наш предместком одновременно и член правления губотдела нашего профсоюза, то он и стал во главе новой кампании. На общем собрании рабочих и служащих он прямо заявил после сообщения о язве на теле:

— Борьба должна быть решительной и суровой. Не на неделю, не на месяц, а до полной победы над язвой на теле. И сам я стану во главе, — о всех замеченных случаях бюрократизма в нашем учреждении немедленно сообщайте мне, а мы уже с Павлом Николаевичем согласнем и...

Павел Николаевич — наш заведующий. И на слова Темкина живнул головой, а потом встал и, в свою очередь, высказался:

— Мы с товарищем Темкиным согласовали вопрос. И если он становится во главе, то и я не пощажу ни сил, ни средств, а язву искореню. Но дело — не недели, не месяца, а до победного конца. И на одиннадцатую годовщину язвы мы должны прикончить на сто процентов, тому порукой десятилетие.

Конечно, рабочие и служащие — народ привычный, их годами не загутаешь, — то же и про режим было говорено, и про сбережения, а старики помнят, что и про шефство то же самое говорили. Но вместе с тем сообрали вот, — что раз кампания, то не выкрутишься: надо бороться!

Ну, и заборолось. На другой же день после собрания пошел Епишкин, счетовод, к Темкину, и говорит:

— Разве это не бюрократизм и не язва, когда я просил у зама аванс в счет жалованья, а он и слушать не стал... За что же мы десять лет боролось?! Я все-таки не обсевек в поле, а счетовод, он же на меня отозвался довольно грубо, сказавши, что не мешайте работать.

Темкин даже руками всплеснул:

— Ты с ума сошел, Епишкин!!! Борьба с бюрократизмом, как с язвой, — наша задача — но подрывать авторитет?! Знаешь, куда за такое попасть можно?! Я уж никому не скажу, чорт с тобой, служи пока, но предупреждаю как в профессиональном порядке, так и по-товарищески...

Епишкин насили ноги унес:

— Вот-те, — говорит, — борьба!

Но в порядке кампании пошли и другие к Темкину. Приходит, между прочим, делопроизводитель Смазной и докладывает:

— Я — за кампанию, Сергей Дмитриевич. И скажу, что нашего главбуха надо бы попереть из учреждения, потому что он главный бюрократ и волокитчик: прихожу я к нему с...

Но Темкин и слушать не стал, — руками машет:

— Кто же тебя, Смазной, уполномочивал подрывать?! Кто он и кто ты?! И вместе с тем ты же обвиняешь. Конечно, ежели ты об двух головах, то действуй. Но за подрыв тебя по головке гладить не станут, Смазной...

Смазной вышел сам не свой. Но другие идут. Приходит и секретарь. Пришел и говорит Темкину:

— Я, товарищ Темкин, должен сообщить о возмутительном факте бюрократического отношения к делу старшего счетовода нашего Калачова. Как сознательный гражданин, он должен был бы понимать, что...

Тут Темкин его вежливо останавливает:

— Вы меня извините, товарищ Клепицкий, но я по-товарищески должен вас предостеречь от попытки подрыва. Все-таки, Калачов — старший счетовод. Хорошо ли с вашей стороны говорить про него такое, будто он и есть язва?! Какой пример вы подадите низшим служащим? Считаю, что неудобно. Борьба есть борьба, а подрыв авторитета едва ли является нашей задачей. Если вы настаиваете, товарищ Клепицкий, то я переговорю с Павлом Николаевичем, но...

— Нет, зачем же?! — согласился с ним Клепицкий. — Можно и не переговаривать, тем более, что случай, собственно говоря, мелкий...

И пошел, чувствуя себя неловко.

Я хоть и мелкий человек — помощник регистратора, но за дурака себя не считаю. А потому вежливо подошел к товарищу Темкину и попросил разрешения доложить. Темкин позволил, потому что кампания. Я и говорю:

— Вы меня простите, товарищ Темкин, но если я позволяю себе сообщить о возмутительном случае бюрократизма в нашем учреждении, то лишь памятуя о вашем вдохновенном призыве и незабвенных словах Павла Николаевича. Случай же, меня возмущивший, повторяется ежедневно и наблюдается многими, но некоторые его считают незначительным, а иные даже потворствуют, и заключается он в нижеследующем. Швейцар при вешалке ведет себя недопустимо бюрократически. Так, например, само Павлу Николаевичу пальто просто сует в руки, отнюдь не помогая оно надеть. И, кроме того, не выбегает, дабы открыть дверь Павлу Николаевичу, но, напротив, вынуждает их самих означенную дверь открывать. Я считаю...

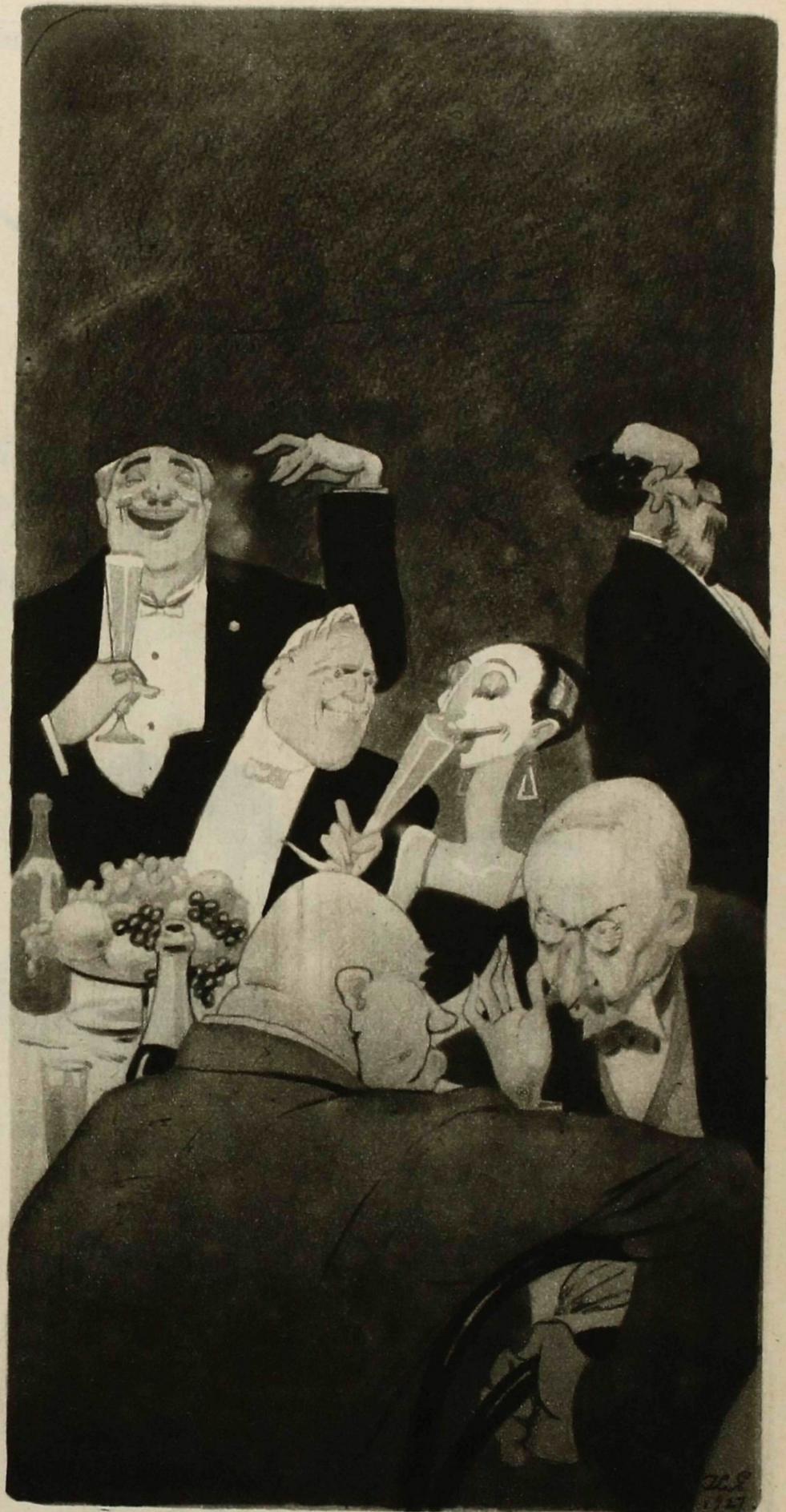
Тут Темкин поднялся во весь свой гигантский рост и оказал:

— Спасибо, товарищ. Мы эту язву изживем.

И, действительно, двух дней не прошло, как швейцар уволился, хотя и с выходным пособием. А на вечере воспоминаний в память десятилетия Темкин меня отметил, как стойкого борца с язвой, и закончил речь призывом:

— Побольше бы таких самоотверженных борцов, и мы язву выжгли бы с тела революции и трудовой республики трудящихся...

Вл. Павлов.

— Странное дело! Наш хозяин далеко не советский человек, а ликовал по поводу того, что советская власть десять лет продержалась.

— Вы его не поняли, — это он свой юбилей справляет: десять лет при советской власти продержался!

НАЗВАНИЕ НЕ ПО ЗАСЛУГАМ

Красный уголок дорожного отдела МКХ обращен в „распивочную“.

Я без сомнения напрасного
Про „угол“ тот сказать готов:
Там, видно, ничего нет красного,
За исключением... НОСОВ.

Рис. Ю. Ганфа

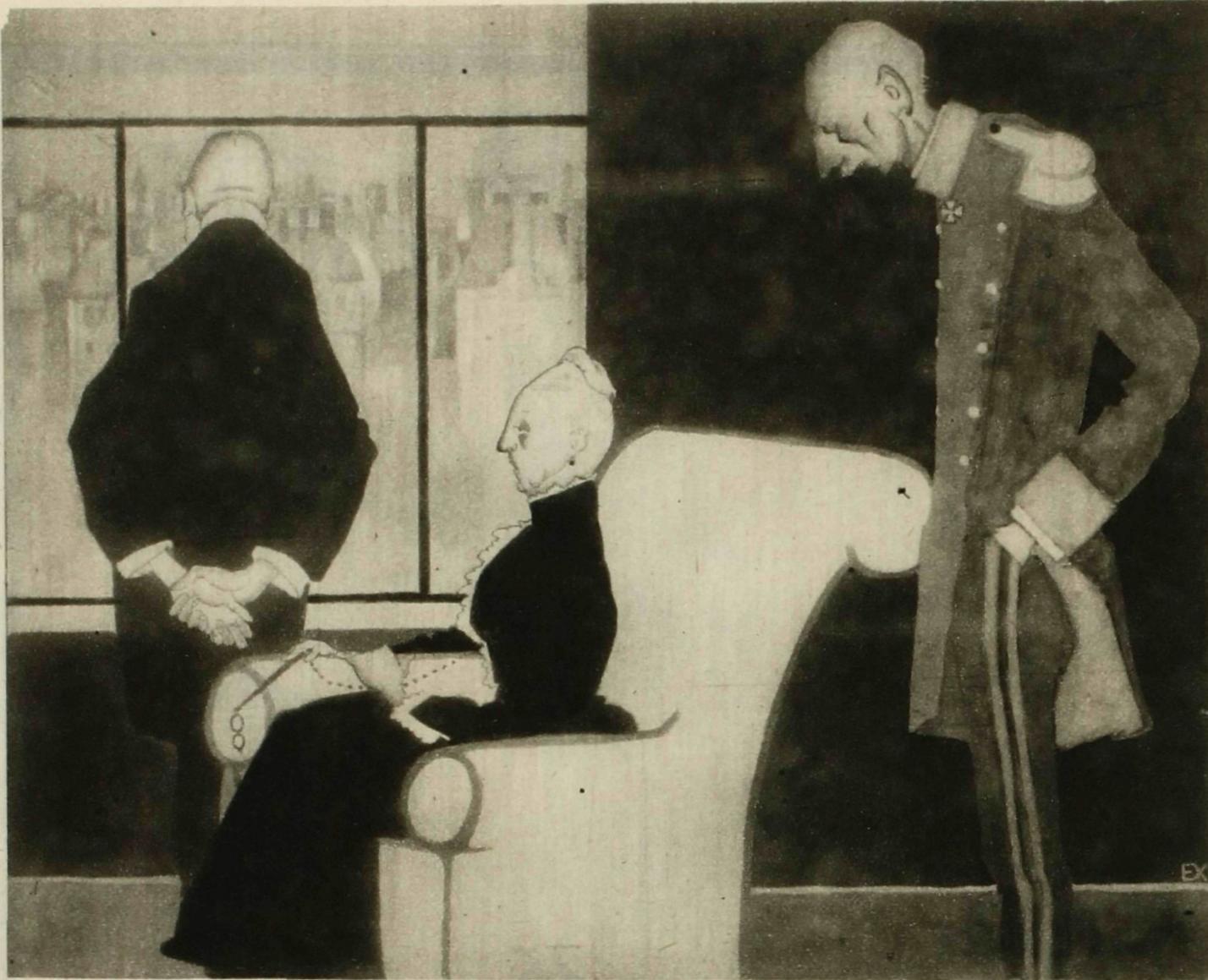

1. НЕДОВОЛЬНЫЙ:—Не одобряю! Решительно не одобряю. Ничего хорошего: уважение к старшим подорвано, юбки короткие, раз
Теперь к десятилетию новый значок выпустили. Очень хорошо! Приветствую! 3. ЧАСТНИК:—О десятилетия, гражданин? А вот, а вот, а
ведерками, авось соблазнятся!.. 5. БЕСПРИЗОРНЫЙ:—Отошли бы, гражданин, в сторонку от меня! Я с вами, как с порядочным, а вдру
как кампания. Трехдневник, так сказать. Циркуляры разосланы, тезисы приложены... 8. КУЛЬТИНСТРУКТОР:—Готовлю в клубе револю
Исходящий номер десять? Такого не знаю. Зайдите недельки через две... 10. СПЕЦ:—Ничего не могу сказать,—не моя специальность! 11.
Но дожил до десятой годовщины. 13. БУЗОТЕР:— А за что боролись?! За что кровь проливали?! 14. ФУТБОЛИСТ:—Сейчас самое время
революции воду за собой не сливать! 16. СТУДИЙКА:—Сейчас ничего не могу сказать,—вот посмотрю в кино, тогда скажу! 17. ПИСАТЕ
времен!“ В этом году пишу: „Десять раз мы ударили молотом!“ В будущем году напишу: „Одиннадцать раз ударили молотом!“ Легко р

не боится мужа. Не одобряю. 2. СОЧУВСТВУЮЩИЙ:— Очень приятно! Я—член всех добровольных обществ, и это меня очень украшает. руками оторвет! 4. КУЛАК:—Что ж? Я и на кооперацию согласен, только чтоб меня в председатели выбрали. Поклонюсь миру двумя детей“... 6. НЭПМАН:—Как вам сказать?! Живем, как говорится, ничего себе,—все фининспектору... 7. ПРОФАКТИВ:— Что ж?! Кампания, ту, идеологически выдержанную—„Красная теща в красный дом,—все кверху красным дном“. Прекрасная пьеса! 9. БЮРОКРАТ:—Годовщина? ИЙ:—Не знаю! Было заседание, докладывал о какой-то годовщине, но... Неужели уже десятая?! 12. БЫВШИЙ:— Признаюсь, не ожидал! тч пригласить,—вот бы влили! Они нашего климата не выдерживают! 15. ОТВЕТСТВЕННАЯ С'ЕМЩИЦА:—Стыдно на одиннадцатом году годовщины. Легко работаешь, легко вдохновляешься. Еще в прошлом году я писал: „Девять раз мы ударили молотом по наковальне

Рис. К. Хомзе

— Холодно в октябре...
— Это теперь. А, помню, десять лет тому назад—октябрь самым жарким месяцем оказался!

ВНИМАНИЕ К МЕЛОЧАМ

(В порядке обсуждения)

Одиннадцатый год революции должен пройти под знаком борьбы за рационализацию. Но наблюдается перегиб палки в том, что рационализации советского аппарата уделяют менее внимания, чем промышленности.

Далекий от мысли поднимать на свои хрупкие плечи тяжелое бремя всеобщего усовершенствования советского аппарата, все же вношу одно предложение, каковое и прошу обсудить.

Читая литературу и принимая участие в составлении сатирического журнала «Крокодил», усмотрел корень бюрократизма в том, что всякий посетитель получает в учреждениях предложение зайти завтра. Каждый здравомыслящий гражданин Советского Союза прекрасно улавливает смысл сих слов и отнюдь не должен роптать на их содержание, ибо не может же служащий, бросив все дела свои, сейчас же, не сходя с места, дать требуемый просителем ответ, поскольку на составление оного, применительно к правилам делопроизводства и письменоводства, необходимо время.

А раз это так, то бюрократизм следует усматривать не в самом ответе, по существу дела необходимом, но в том лишь времени, каковое приходится посетителю затрачивать на получение оного: очередь у дверей, ожидание доклада и прочее. Таким образом всю силу рационализации надлежит направить именно в эту сторону, для чего предлагаю:

1. Во всех учреждениях всего Союза назначить одни и те же приемные часы с соответствующим отступлением по поясам, например, от двух до трех.

2. В означенные часы никого из посетителей ни до кого из служащих не допускать, дабы не прерывать занятий и их нормального хода.

3. В приемной комнате, куда допускаются в эти часы посетители, установить за счет учреждений громкоговорящие установки.

4. Мощному передатчику станции имени Коминтерна в означенный час через каждые две минуты передавать фразу:

«Зайдите завтра. Завтра... По буквам—«Зинаида», «Анна», «Володя», «Тимофей», «Рувим», «Анна». Завтра!».

Таким способом посетители без всякой волокиты получают требуемый от учреждения ответ, и бюрократизм будет подрезан в корне.

Полагаю, что наши вожди оппозиции, к коей ныне примыкаю и я, не откажутся вышеизложенным предложением пополнить «платформу 83», добавив к оной, взамен снятых, мою подпись.

Беспартийный оппозиционер Савелий Октябрев.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1928 ГОД

на еженедельный сатирический журнал

КРОКОДИЛ

Издаётся «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ»

В ЖУРНАЛЕ СОТРУДНИЧАЮТ ЛУЧШИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ЛИТЕРАТУРНО-САТИРИЧЕСКИЕ СИЛЫ

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТСЯ В НЕСКОЛЬКО КРАСОК НА НОВЫХ МАШИНАХ ОФСЕТ

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №—15 КОП. В МЕСЯЦ—55 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

МОСКВА, 18, Суцевский вал, 63, Главная контора «Рабочей Газеты»; и Тверская, 3. В ПРОВИНЦИИ: во всех отделениях «Рабочей Газеты» и других центральных газет, а также во всех почтово-телеграфных конторах.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ФЛЮС

И флюс тоже может быть показательным. Да...

10 лет назад, как-раз в ночь на 7 ноября нового стиля, раздуло у Ивана Егорыча щеку. От флюса—первое средство хлеб, размоченный в горячем молоке.

Обязанный, обмотанный, сочащийся молочной влагой, мотался Иван Егорыч по комнате. Сзади сочувствующей тенью моталась верная подруга жизни Агния Феоновна.

На дворе бабахали пушки, везли раненых, отступали, наступали...

— Ромашечки не вскипятить ли, отец!..

— Вскипяти!..—шипел из-под ваты и платка Иван Егорыч...

— Сейчас!.. О, господь батюшко, что только творится!!! Большевики-то, слышь, Кремль взяли!!! Керенский-то, слышь, на аэропланте улетел!!!

— Не приштавай ш глупоштями!.. Взяли, не взяли!.. Лежет ш пуштяками!.. Дай гвоздичное машло!.. Разжинула рот!!

II.

Сквозь огни и воды революции, Иван Егорыч в неприкосновенности перенес звание опытного делопроизводителя и знание всех тонкостей отношений: к уборщице—начальственным, к просителю—презрительных, к начальству—подобострастных. Перенес в неприкосновенности и флюс.

В канун десятилетия—здравствуйте!.. Без всякой протекции полезла Иван Егорычева щека в гору.

— Не ходи уж на демонстрацию-то...—уговаривала утром Агния Феоновна.—Бог с ней, с демонстрацией!..

— Шкажала!—А ешли начальство жаметит?!

— Свидетельство от доктора представишь...

— Шпросят ш тебя швидетельство!! Как же!.. Жаметят и вше тут... А, шукин шын, Пужиков давно на мое мешто метит... Я жнаю!!!

— И надо ж было захворать в такое время.. Шарфом-то, шарфом покруче увернись... Гвоздичку-то не забудь...

III.

Когда благоухающий гвоздичным маслом и утепленный ватой и шарфами, Иван Егорыч явился в свою колонну, начальство ахнуло:

— Иван Егорыч! Голубчик! Зачем же вы в таком виде шли!..

— Не штерпел!—шамкал подобострастно Иван Егорыч.—Шердце не пошволило!.. Наш октябрьский праждник!!

У начальства показалась на глазах подозрительная влага. Начальство долго с умилением трясло руку Ивана Егорыча:

— Вот они незаметные серые герои!!!—думало начальство.—Вот!!!

IV.

С повязкой на щеке и радостью в сердце шагал Иван Егорыч со своей колонной и думал:

— А мерзавца Пузикова нет!.. Этакий лось здоровый, а не явился?! Надо будет обратить на это внимание зава. У меня же кстати племянник без места.

М. Андр.

Рис. Ю. Ганфа

МЕНЬШЕВИК (меньшевику): — Что ты делаешь?! Неужели ты забыл заветы социал-демократии?! К чему тебе портреты коммунистов?! Рядом с Каутским!!!

МЕНЬШЕВИК: — Каких коммунистов?! Ты с ума сошел! — это же оппозиция!!!

Рис. М. Храповского

ВИЛЫ В БОК

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

(Ткацкая фабрика № 3, в Шуе)

— Пожар! Пожар!

Фабричный гудок в страхе взывает о помощи:

— Горим! Горим! Горим!

Пожарники суетятся спросонья.

— Никак тревога, ребята?

— Запрягай Иван, чорт, «Голого»!

— Легко сказать «запрягай»! А хомут где?

— Не видал ли кто, братцы, хомута?

— Какой пес забельшил багор! Нет багра!

— Ну, и чорт с ним! Поедем без багра.

И растерзанная команда со звоном и дикими воплями подкатила к фабричным воротам. Ворота на замке.

— Давай сторожа!

— Куда-то ушел, дьявол!

Ползли через забор, и после долгих поисков нашли сторожа и в'ехали на фабричный двор, где и узнали, что это была только пробная тревога.

Звено.

АМЕРИКАНСКИЙ РАЗМАХ

Недавно Закхлопом с большими слезами провозжал в Америку некоего мистера Мотта. Плакал, конечно, не сам Закхлопом, а его денюжки.

Мистер Мотт был приглашен комитетом в качестве специалиста-мыловара. Однако американец она зался больше специалистом по чтению приключенческих романов. Все-таки однажды в свободное от чтения время Мотт сварил на Лякском заводе мыло. Это было, собственно, не мыло, а нечто другое. Пришлось это «нечто другое» перебросить для переработки на Ганджинский завод.

Двухгодичное чтение романов мистера Мотта в общем обошлось простодушному Закхлопому тысяч в пятьдесят.

Американец отзываясь о Закхлопке восторженно:

— Ну, какой я там Мотт, — говорит он своим друзьям в Америке, — посмотрели бы вы в Закхлопке какие бывают настоящие моты!

ПОЗОР ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

Сообщают такую жуткую вещь:

Статистик Золото-Ташковского рудкома Тарас Шевченко после занятий пристал к уборщице Ф. М. Та стала сопротивляться и кричать, тогда Шевченко, как свидетельствует справка из больницы, «нанес ей бесчисленное количество побоев».

Это уже не Тарас Шевченко, а прямо какой-то Тарас Бульба!

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ.

Нелегкий труд письмоносеца!

Начальник Клекотовского почт. отделения, тов. Ушаков, долго скорбел, глядя, как письмоносыцы выбиваются из сил на работе.

Скорбел, скорбел и не выдержал. Решил дать письмоносецам отдых. Не пожалел для них своей родни. Одного письмоносеца уже заменил своим братцем, теперь нацелился и на другого.

Дорогие граждане! Есть ли еще где такие заботливые начальники? Сообщите об этом в «Крокодил».

Умиленный.

НЕПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ

Очень странного мнения о своем профсоюзе (СХЛР) зав. госмельницей № 5 в Мирополе, т. Ринос. Пять месяцев не платит он членских взносов, а когда профуполномоченный напомнил т. Риносу, что неплательщики выбывают из союза механически, то т. Ринос на это ответил:

— Ну что ж! Баба с возу — кобыле легче! Позволяем себе заметить, что профорганизацию не следует обзывать кобылой даже и в том случае, когда в числе ее членов находится хотя бы один сивый мерин.

ЖУТКАЯ ЭКОНОМИЯ

Пример изумительной экономии показал зав. Паниковским убежищем (Орловск. губ.): Он с'экономил на питании призреваемых 1200 рублей.

К сожалению, призреваемые, по своей несознательности, уменьшили эту круглую сумму на 25 рублей, которые пришлось заву израсходовать на покупку пяти гробов для лиц, малодушно не выдержавших режима экономии.

Таким образом окончательная сумма экономии выразилась в 1175 рублей, но за то и в общем числе призреваемых достигнута экономия на 5 человек.

ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Жалуются рабочие завода «Красный Октябрь» из Сталинграда:

Директор завода, тов. Марапулец, несмотря на три постановления суда об оплате рабочих за прогул, происшедший по вине администрации, благодаря простоя машин, отказывается вновь от выполнения постановления суда. Волокитяется год.

Может быть, для тов. Марапульца закон и не писан?

НОВОЕ В НАЗНАЧЕНИЯХ

Новый способ назначений должностных лиц открыл начальник охраны 1-го района Уссурийской ж. д.

Недавно им был получен приказ назначить одного из политоргов старшим. Вызванным в кабинет политоргам начальник преподнес две спичечных коробки, сказав: «В одной из коробок лежит старший из вас, кто его вытащит, того я им назначу». Несмотря на протесты, пришлось распоряжение нача выполнить.

А то еще можно было сходить к гадалке. Вообще, когда подчиненные без протекции, выбор сделать не так-то легко!

МАТОВЫЙ ДИРЕКТОР

Товарищ с Товарковского сахарного завода пишет:

Сквернословие у нас приняло эпидемический характер. «Мат» висит на работе, висит в завкоме, в парт'ячейках, на комсомольском бюро. Особенно отличается директор завода Чукин.

Еще бы! Каков поп — таков и приход.

БОЖЕСТВЕННЫЙ КОММУНИСТ

Член ВКП(б) Маконов в Иваново-Вознесенске выстроил собственный дом на 1-й Ильинской ул., в Глинищеве. В своей квартире повесил в углу икону. Пустил семь рабочих квартирников, с которыми держит себя, как старый хозяйчик, ругаясь во всю, словно в него вселился бес.

«Крокодил», что ты скажешь на это?

— Если в партийного вселился бес, — он может стать и БЕСпартийным.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЛОШАДИ

Рояль в конюшне! Факт товарищи!

Два года стоит рояль в конюшне артемовской гормилиции. А, между тем, в клубе милиционеров рояля нет.

Администрации, в лице т.т. Максимова и Шилина, указывали неоднократно на необходимость перенесения рояля в клуб, но названные товарищи каждый раз в этом отказываются.

Максимов и Шилин, повидимому, не осведомлены что к чему. Рояль в конюшне вещь лишняя, так как лошади, даже в случае особого распоряжения начальствующих лиц, к занятию музыкальным искусством неприспособлены. Им, лошадям, пользоваться роялем неудобно: неблагоустройство конечностей, общая громоздкость природы и вообще. Люди — другое дело! Человек свободно может одним пальцем вытыкивать «Чижа» или «Кирпичики». Потому, что рояль придуман специально для людей. Уверяем вас, т.т. Максимов и Шилин! Если же вы нам не верите и сомневаетесь, то мы вам вышлем удостоверение от Музпреда за надлежащими подписями и с приложением казенной печати.

Мухобой.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО

Об'ездить дикого коня — дело не легкое. Первое время он свирепо лягается и только со временем постепенно начинает себя вести вполне прилично.

Сормовский брандмейстер Жуков получил уздечку в № 35 «Крокодила» за то, что заставил пробежаться пожарника за своей коляской. Как только Жуков почувал узду, он сразу встал на дыбки:

— Кто писал?! — взревел он. — Засужу собаку! В креста, в бога, в веру, в мать, — гремел на пожарников Жуков, свирепо разрывая журнал.

Картина была потрясающая: из ноздрей Жукова валил пар, ноги нервно рыли землю.

Но... узда накинута! В этом номере «Крокодил» ее немножко, как видите, подтягивает. Если будет нужно — подтянет и еще. А там, смотришь, тов. Жуков перестанет брыкаться и будет вести свое дело скромно и деликатно. На этот счет «Крокодил» дает полную гарантию.

Кстати, вообще о дрессировке. «Крокодил» без отказа принимает на быструю выучку: самодуров, бюрократов, воров, растяп и совдураков всех калибров по следующему адресу: Москва, центр, Тверская, 3. Исполнение заказов скорое и аккуратное. Масса благодарностей.

ТЯЖЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Тяжело иногда живется ответственным мужьям:

Секретарь Березниковского волкома партии, Иваново-Вознесенской губ., тов. Ильичев — любитель «горькой»; на-днях поскандаливши в Березниках, пришел домой, побил жену и детей за невнимательную его встречу, крича: «Ты не видишь разве, кто пришел, твой муж, и он же секретарь волкома».

Товарищ Ильичев! Поведением вашей жены мы возмущаемся! Такой работник, как вы, конечно, заслуживает внимания, и не только жены, но и целой парторганизации!

„КРАСНЫЙ ИКОНОСТАС“

Некоторые «красные уголки» похожи на иконостасы; работы в них не видать, а только теплится лампочка перед портретом...

(Из речи т. Михайлова).

Хоть доброй мыслию зауголком согрет,
Но может ли вождю приятной быть наградой,
Коль бабы сослепу крестятся на портрет
С „неугасимой лампадой“?..

АРХИВ „КРОКОДИЛА“

УСЕРДИЕ НУЖНО СОРАЗМЕРЯТЬ

Желание выразить начальству чувство преданности и готовности — вещь похвальная, но и тут надо соблюдать известную меру, дабы не вызвать обратного впечатления.

Кимрскому сановнику, тов. Морковину, бывш. председателю правления Сельпромсоюза понадобились как-то чугуны и кастрюля. Не покупать же их, когда в правлении имеется приятель тов. Лужин. Ему и написал тов. Морковин записку. Тов. Лужин немедленно написал магическую записку завмагу:

ДМИТРИЙ КИРИЛЛОВИЧ!

Пошлите сейчас на квартиру т. Морковина чугуны простой средней величины и блюдо эмалированное среднее, или нет ли миски эмалированной с ручкой.

А. ЛУЖИН.

Дмитрий Кириллович, желая выразить чувство беззаветности и восторга, отобрал чугуны и миску не средние, а самые большие.

В результате чрезмерной угодливости получился конфуз. Тов. Морковин прислал чугуны и миску обратно, предложив заменить их другими, поменьше, так как посуда требовалась тов. Морковину всего на одну персону, а именно — для его собаки.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ГЕНИЙ

Всякий администратор, естественно, мечтает о том, чтобы полностью урегулировать подведомственную ему жизнь. Но так как, к сожалению, административные таланты распределены еще довольно неравномерно и случайно, то бывает, что большому административному таланту и, можно сказать, даже гению перепадает для регулирования весьма незначительный участок на фронте нашего строительства. Так и случилось с товарищем Шиманковым, которому судьба, или, иначе сказать, рок, отпустила для пуска в действие своих административных сил всего только полковую уборную. Однако тов. Шиманков и здесь сумел выявить в полном блеске свою хозяйственную распорядительность и предусмотрительную плановость, поставив в некотором роде всесоюзный рекорд администрирования. Он составил столь великолепную инструкцию для пользования уборной, что многие администраторы должны будут лопнуть от зависти. Несмотря на такую опасность, мы публикуем инструкцию, так как она имеет для остальных граждан Союза огромное воспитательно-техническое значение и вообще открывает глаза.

ИНСТРУКЦИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ УБОРНЫМИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА.

1. Уборная должна всегда содержаться в чистоте.
2. В очки и писсуары уборной не должно бросать мусор, тряпки, окурки, спички, грязь, остатки пищи.
3. Пользоваться очками надлежит, не забираясь на них ногами, а садясь, как на стул, с полной нагрузкой, так, чтобы ягодица целиком и плотно облегла деревянную подушку очка. Корпус тела держать прямо и совершенно не давать при посадке упора на ноги, а слегка отделив от пола, ноговую тяжесть перенести на ягодицу, имея руки положенными вдоль соответствующих коленей. Посадкой необходимо достичь попадания испражнений в трубу очка, а не на подушку очка, стараясь в то же время не замочить подушку мочей, для чего необходимо мочеиспускательный орган придерживать рукой, направляя его в очко.
4. При пользовании писсуаром, надлежит вплотную подойти к писсуару, даже слегка опереться в него коленями, подаваясь вперед, вынуть целиком мочеиспускательный орган, слегка пригнуть его вниз и пускать мочу до последней капли. До окончания мочиться от писсуара не отходить и мочу по полу не разбрызгивать. Указанным путем дается возможность быть сухому полу около писсуара.

Помполна по хозяйству ШИМАНКОВ.

И такой человек томится на должности помполка. Ему бы быть начальником какого-нибудь центрального управления общественными писсуарами и ассенизацией (УОПА) или по крайней мере — инструктором всесоюзного масштаба.

РЕПОРТЕРСКАЯ АНОМАЛИЯ

В изобретательском деле мы с каждым днем уходим все дальше и дальше. Газета „Уральский Рабочий“ в № 201 описывает такие чудеса:

На старой фосфорной фабрике был найден фосфор, свыше 500.000 пудов.

Фосфор этот, пролежав в земле несколько лет, превратился в железный сурик, с содержанием железа в 83%, т. е. материал ценнейший, так как из железного сурика легко изготовить краску медянку, цена которой 80 рублей пуд.

Кроме того, мастер пермской спичфабрики т. Уржумов делает из сурика берлинскую лазурь.

Не слишком ли много во всем этом сообщении „Уральского Рабочего“ запущено „лазури“.

ДРАМА В ТЕАТРЕ

Драма разыгралась в Марийском гостеатре, в Краснококшайске.

Действие первое

Два сторожа театра обращаются через местком к инспектору труда с просьбой об уплате им заработка. Инспектор дает распоряжение об уплате.

Действие второе

Предместкома и сторож приходят к директору театра Янаеву и вручают ему постановление об уплате заработка. Янаев выходит из себя и говорит свой знаменитый монолог, состоящий сплошь из матерщины.

Действие третье

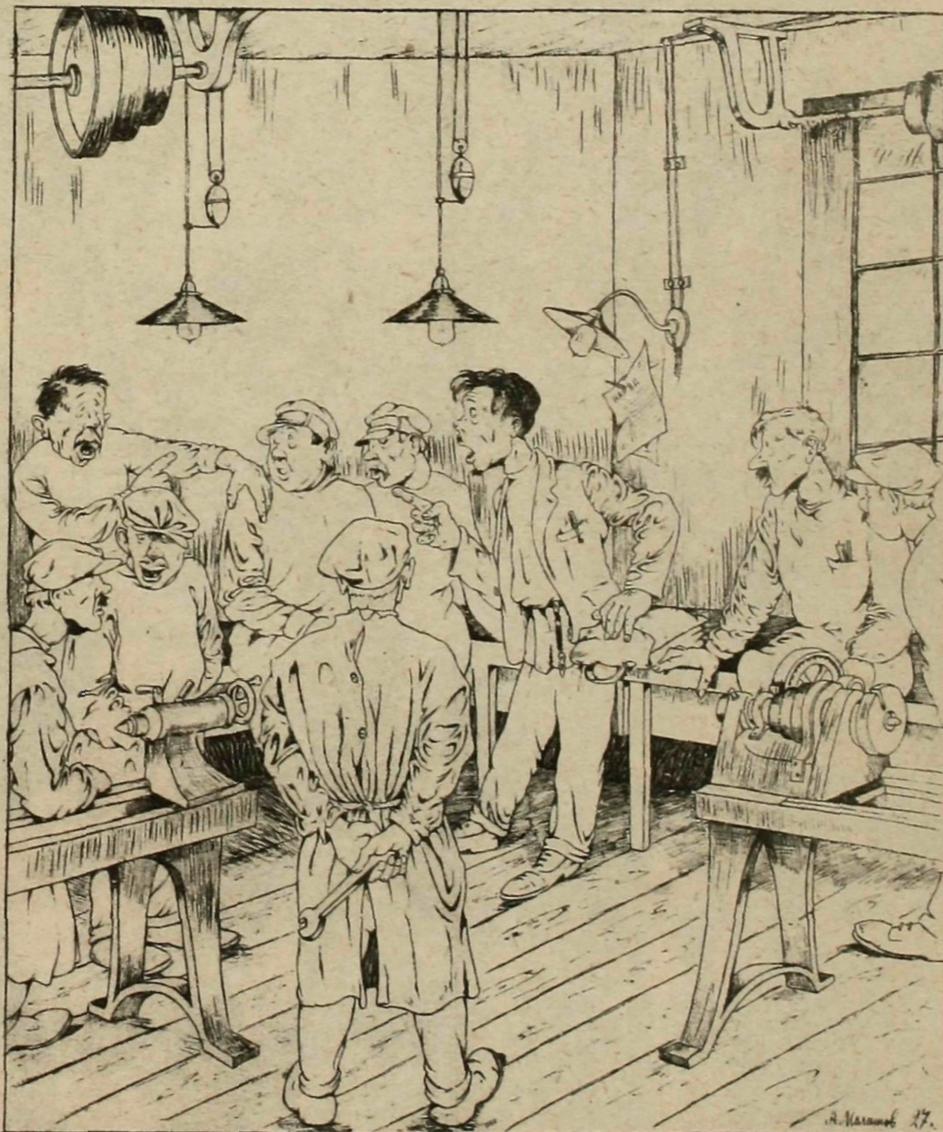
Два сторожа, которые ходили с жалобой в отдел труда, Кожин и Федяев, молниеносно сокращаются. Двое, которые не ходили, остаются на месте. Маркер Шкляев, свидетель монолога, увольняется безо всякого основания. Кассирша Комарова, член союза, тоже увольняется безо всякого основания. Ее работа поручается по совместительству делопроизводителю Колесовой, не состоящей членом профсоюза, дочери пристава, расстрелянного за контр-революцию.

Действие четвертое (самое интересное)

Еще, к сожалению, не произошло, но, надеемся, произойдет, при чем явлением первым в нем будет явление товарища прокурора.

НАГЛЯДНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Рис. А. Малеева

ДОКЛАДЧИК:—Товарищи. За десять лет революции рабочий класс вырос во всех отношениях.

ГОЛОС С МЕСТА:—А бюрократы-то остались прежние во всех отношениях: спецодежду, как на ребят выдают!

ТРОЦКИЙ:—Эй, товарищ! Где тут Октябрьская дорога?
РАБОЧИЙ:—Заехали, нечего сказать! Октябрьская дорога совсем в другой стороне!